Римские часы, висящие на стене, отражали теплые осенние лучи солнца, а золотые стрелки беззвучно двинулись к римской цифре «XII».

Вэй Цинъюй сидел на по-прежнему мягкой постели, держа в руке ремешок ручной сумки, которую он только что достал из-под кровати.

Специально сплетенный ремешок ручной сумки был точь-в-точь как тот, что был у него на запястье. Маленькая округлая сумка в форме персика выглядела также.

Просто пальцы Вэй Цинъюя мягко поглаживали маленькую сумку в форме персика, которую он достал из-под кровати, и почувствовал ряд мелких следов. Он многократно провел рукой по этому незаметному следу и поднял маленькую сумку в форме персика, которую он держал в руке, к солнцу.

Мелкие, неправильные отверстия лежали поперёк коричнево-красного бока сумки, как следы от зубов какого-то животного.

Брови Вэй Цинъюя слегка нахмурились, а отдаленные детские крики доносились до его ушей со всех сторон.

«Аааа, беги! Оно вот-вот догонит!!!»

По широкой бетонной дороге поселка девочка, одетая в коричневую защитную юбку цвета топленого молока и белую рубашку, бежала на мягких кожаных туфельках, ее крошечные ручки цепко сжимали тоненькую ладонь другой девочки позади.

В этот момент восьмилетняя Сяо цзи Сяо тянула восьмилетнюю Вэй Цин Юй лететь по только что отстроенной дороге на восточном берегу.

Позади них с отсутствующим большим куском перьев на крыльях шел большой белый гусь.

«Вэй Цин Юй, поспеши!» — Сяо цзи Сяо взяла Вэй Цин Юй, которая постепенно замедлялась, и тревожно прокричала.

Лицо Сяо Вэй Цин Юй от непосильной нагрузки покраснело, ее худенькое тельце от ударов быстрого дыхания приподнималось и опускалось.

Она остановилась и, задыхаясь, приказала: «Нет, цзи цзи, я не могу бежать… ты беги быстрей…»

Маленькая девочка в коричневой юбочке молочного цвета и белой рубашке бежала по просторной бетонированной дороге деревни на мягких кожаных тапочках. Ее крошечные ручки крепко сжимали маленькие ладошки бежавшей за ней другой девочки.

В это время восьмилетняя Сяо Цзи Сяо тянула восьмилетнюю Вэй Цин Юй лететь по недавно отстроенной дороге на восточном выезде из деревни.

За ними шел крупный белый гусь, на крыле которого отсутствовала большая часть перьев.

«Вэй Цин Юй, поторапливайся!» - Сяо Цзи Сяо взяла за руку постепенно замедлявшуюся Вэй Цин Юй и взволнованно воскликнула.

Лицо Сяо Вэй Цин Юй от сильной нагрузки все покраснело, ее хрупкое тело сотрясалось от быстрого дыхания.

Она остановилась и, задыхаясь, сказала: «Я больше не могу, Цзи Сяо, я... ты беги быстрее...»

Как ты можешь так говорить? Да как я мог бы тебя бросить позади! Сяо Цзи Сяои сурово посмотрел на Сяо Вэй Цинъюй, а огромный белый гусь, преследовавший их всю дорогу, летел к обоим с распростертыми крыльями.

Было слишком поздно, и он летел быстро, и как раз в тот момент, когда белый гусь собирался напасть на обоих, Сяо Цзи Сяо ногой пнул гуся в грудь.

Гуся отбросило, он беспорядочно замахал крыльями и упал вниз рядом с дорогой.

Жгучее полуденное солнце припекало на этот безлюдный путь, освещая своей тенью тело Сяо Цзи Сяо и его чуточку юной храбрости.

Сяо Вэй Цинъюй смотрел на Сяо Цзи Сяо, защищавшего его, и его сердце билось ещё сильнее.

Она нежно схватила подол рубахи Сяо Цзи Сяо за талию и прошептала ему на ухо: «Спасибо, Цзи Сяо».

Её голос был тихим и застенчивым, и он прозвучал в ушах Сяо Цзи Сяо так же вкусно, как ферментированный рисовый шарик.

Что ты говоришь, как я мог бы тебя оставить позади! Сяо Цзи Сяо посмотрел сурово на Сяо Вэй Цинъю, а огромный белый гусь, преследовавший их всю дорогу, в это время летел на них, раскинув крылья.

Было уже слишком поздно, да и летел он быстро, но когда белый гусь собрался было напасть на обоих, Сяо Цзи Сяо пнул его в грудь.

Гусь отлетел в сторону, беспорядочно замахал крыльями и покатился по пыльной траве вдоль дороги.

Яркое полуденное солнце палило на этот пустынный путь, освещая тело Сяо Цзи Сяо и делая его немного неповторимым и юношески стойким.

Сяо Вэй Цинъю смотрел на защищающего его Сяо Цзи Сяо, и его сердце забилось еще сильнее.

Она робко схватила одной рукой полы его ширта на талии и тихо прошептала ему на ухо: "Спасибо, Цзи Сяо".

Голос ее был мягким, застенчивым и прозвучал в ушах Сяо Цзи Сяо так же сладко, как ферментированный рисовый шарик.

Сяо Цзисяо немного покраснела и сказала: "Ну, в чем дело. Ты со мной, чтобы защитить тебя,

не бойся".

Пока они двое говорили, временно побежденный большой белый гусь вытянул шею и выскочил из-за склона.

Его крылья немного больше, чем у только что открывшихся, а весь его размах почти равен размеру двух девятилетних детей, а острые зубы видны, что выглядит необычайно отвратительно.

Увидев это, Сяо Цзи Сяо невольно встал на страже Сяо Вэй Цинюй и отступил назад, пытаясь противостоять большому белому гусю взглядом.

Но большой белый гусь не дал ей шанса, старая и новая ненависть перекрыли друг друга, и он яростно закричал и бросился на них.

Сяо Цзисяо схватил Сяо Вэя и побежал в мгновение ока, крича во время бега: "Разве это не просто выщипывание нескольких твоих перьев! Разве ты так хорош, как ты!"

"Гусь! Гусь! Гусь!!" Не знаю, понял ли я слова Сяо Цзисяо, большой белый гусь погнался за ним, возбужденно крича.

На этот раз большой белый гусь научился быть хитрым. Когда Сяо Цзисяо не обращал внимания, он внезапно взмахнул крыльями и ринулся к стоявшей рядом Сяо Вэй Цинъю.

Сяо Вэй не успела опомниться, и видела только, как устрашающие тиски сжимают ее юбку. Страх разлился в ее сердце, и в мгновение ока маленькая девочка беспомощно заплакала.

Именно в этот момент Сяо Вэй, сквозь слезы прошептав, почувствовала, что некая сила выдергивает ее из тисков большого белого гуся.

Не успела Сяо Вэй Цинъю отреагировать, как ее окутали мягкие, родные объятия.

Сквозь затуманенные глаза она увидела, как Сяо Цзисяо, раскинув руки, защищает ее.

Абсолютное чувство защищенности плотно окутало ее, из-за чего тревога в ее сердце мгновенно рассеялась.

Независимо от того, кто кого защищал, большой белый гусь не переставал неистово атаковать.

Рука маленькой девочки, обвязанная красной веревкой, оказалась прямо перед атакующим клювом большого белого гуся.

На этот раз большой белый гусь научился быть хитрым. Когда Сяо Цзисяо не обращал внимания, он внезапно взмахнул крыльями и ринулся к стоявшей рядом Сяо Вэй Цинъю.

Сяо Вэй не успела опомниться и видела только, как устрашающие тиски сжимают ее юбку. Страх разлился в ее сердце, и в мгновение ока маленькая девочка беспомощно заплакала.

Именно в этот момент Сяо Вэй, сквозь слезы прошептав, почувствовала, что некая сила выдергивает ее из тисков большого белого гуся.

Не успела Сяо Вэй Цинъю отреагировать, как ее окутали мягкие, родные объятия.

Сквозь затуманенные глаза она увидела, как Сяо Цзисяо, раскинув руки, защищает ее.

Абсолютное чувство защищенности плотно окутало ее, из-за чего тревога в ее сердце мгновенно рассеялась.

Независимо от того, кто кого защищал, большой белый гусь не переставал неистово атаковать.

Рука маленькой девочки, обвязанная красной веревкой, оказалась прямо перед атакующим клювом большого белого гуся.

Но большая белая гусыня в ту же секунду, как опустила клюв, откинула назад шею в атакующей позе.

Ряд острых тонких зубов наткнулся на маленькую персиковую корзинку на запястье Сяо Жи Сяо, а жёсткие ручища добрались до зубов большой белой гусыни, и она завыла.

Временно выбравшись из опасности, Жи Сяо со страхом взглянула на большую белую гусыню с взлетающими крыльями и воем.

Неизвестно, из-за заражения ли всхлипывающей и плачущей Сяо Вэй Цинъю та не сдержалась сама, мужественно державшаяся перед Сяо Вэй Цинъю, слёзы полились из её глаз.

Не страшно, что ли?

Такая большая белая гусыня, так гоняла её, даже убежать не успела.

Всё это было как отпор, прислонившись к Сяо Вэй Цинъю.

"Что ты к нам пристаёшь!! Цып хочет, чтобы ты мохнатым был!!! Ну так, уа-а-а-а-"!!!

"Ты такой плохой, уа-уа... Я тебя ненавижу, ненавижу!!!"

Но большая белая гусыня в ту же секунду, как опустила клюв, угрожающе откинула назад шею.

Ряд острых тонких зубов наткнулся на маленькую персиковую корзинку на запястье Сяо Жи Сяо, а жёсткие ручища добрались до зубов большой белой гусыни, и она завыла.

Временно выбравшись из опасности, Жи Сяо со страхом взглянула на большую белую гусыню, хлопающую крыльями и воющую.

Неизвестно, из-за заражения ли всхлипывающей и плачущей Сяо Вэй Цинъю та сама не сдержалась - так мужественно державшаяся перед Сяо Вэй Цинъю, слёзы полились из её глаз.

Не страшно разве?

Такая большая белая гусыня гнала её так долго, что та сбежать даже не успела.

Это было не что иное, как поддержка, прижавшись к Сяо Вэй Цинъю.

"Чего ты к нам пристаёшь!! Цып хочет, чтобы ты мохнатым был!!! Ты что ли, уа-а-а-а-"!!!

"Какой ты плохой, у-у... Я тебя ненавижу, ненавижу!!!"

Все страхи хлынули наружу, не контролируемые сердце. Сяо Вэй, издающая только шепот, вскрикнула, желая защитить Сяо Цзи.

С глазами, полными слез, она смотрела на большую белую гусыню, которая отступала, и, протянув руку, крепко схватила ее за шею, бессознательно отомстив.

Под ясным голубым небом я увидел ** летнюю девочку с белокурыми волосами — одной рукой она сдавливала шею большой белой гусыни, а другой болезненно дергала за крылья. Затем, словно превращаясь в альфа-самку, она резко подняла гусыню на гору и бросила словно диск после небольшого полукруга.

Гофрированная юбка, раздутая ветром у девочки, придавала воздушности, а растрепанный конский хвост взметнулся шикарной дугой.

Сяо Вэй Цинюй стояла неподалеку и смотрела на Сяо Цзи, застыв, и не могла не забыть моргнуть.

Большая белая гусыня немного ошеломилась от Сяо Цзи и, взмахнув крыльями, бросилась вдаль.

Однако Сяо Цзысяо отказалась смириться с происходящим, подбежала к нему с заплаканным лицом и схватила большую белую гусыню за шею, чтобы та ещё раз прошлась по кругу.

Солнце молча скрылось за облаками, а мимо пролетающий ветер остановился.

Тот день никто не сможет забыть голоса обиды маленькой девочки и пронзительных криков гусей в тихой восточной части деревни.

Ночь медленно окутывала всю деревню, а на верхушках деревьев висела яркая луна, делая ночь тихой и мирной.

Запах риса доносился из небольшого двора отеля, а мясистый корги семьи Сяовэй Цинъюй валялся на земле и грыз большую кость.

В это время Сяо Цзысяо уже спокойно сидела между Сяовэй Цинъюй и Сюй Маньлинь, без особого выражения на лице.

Она сменила футболку, в которой только что боролась с большой белой гусыней, и надела белую хлопчатобумажную юбку, которую принес Сяовэй Цинъюй.

На большом деревянном столе было много блюд, но в центре было большое пустое пространство.

Но Сяо Цзысяо не сдалась, подбежала с заплаканным лицом и схватила большую белую гусыню за шею, чтобы ещё раз прошвырнуть.

Солнце молча спряталось за облака, и пролетающий ветер стих.

Никто не забудет тот день — обиженные крики девчонки и леденящие кровь вопли гусей разнеслись по тихой восточной части деревни.

Ночь медленно окутала деревню «Ночлег и завтрак», а на верхушках деревьев повесила яркую луну, и в ночи стало тихо и мирно.

Из небольшого дворика отеля тянуло рисом, а мясистый корги семьи Сяовэй Цинъюй лежал на земле и обгладывал крупную кость.

В это время Сяо Цзысяо уже спокойно сидела между Сяовэй Цинъюй и Сюй Маньлинь, лицо такое бесстрастное.

Она переоделась из майки, в которой билась с большой белой гусыней, и надела хлопковую юбку, которую принесла Сяовэй Цинъюй.

На большом деревенском столе стояло много блюд, но в середине стола зияла дыра.

Внезапно смолкли звуки готовки на кухне, а спустя некоторое время подбежала Цзи Цинъюнь с большим железным тазом в руках.

«Иди-ка сюда, Сяосяо, картофель с жареным гусем» Цзи Цинъюнь поставила посередине стола кастрюлю с томленым гусем. «Сегодня мы расправимся с этим гусем! Договорились?!»

Сяо Цзисяо посмотрела на душистое мясо перед собой, и в её глазах, в которых еще не улеглась испуганность, загорался маленький огонек.

Она взяла стоящую перед ней пиалу и взяла кусочек гусиной грудки. На детском округлом личике появилось выражение полного сосредоточения: «М-м!»

«Сяосяо — герой, кушай побольше сегодня!» Вэй Линьюй положил в пиалу Сяо Цзисяо гусиную ножку. «Сяосяо, ты и в самом деле была сегодня хороша. Ни дядя, ни твой отец не смогли справиться с этой большой белоснежной гусыней, а ты справилась! Ты молодец!»

«В конце концов, наша Сяосяо занималась саньда, и с ней ей должно справиться лучше, чем нам с твоим отцом — грубиянам, не знающим никакой тактики» Цзи Цинъюнь не скупилась на похвалы.

Вот почему с древних времён существуют герои, - прошептала Сяо Вэй, бросив взгляд на Сяо Цзи-Сяо.

Сяо Цзи-Сяо опустил глаза на улыбку, которую бросил в его сторону Сяо Вэй Цинюй, немного смутился и опустил голову.

Девчушка большой откусила кусок утиной ножки, и уголки поджатых губ непроизвольно приподнялись.

- Да, точно, точно, тише некуда! - слушая, кивнул Вэй Линьи и выпил рюмку с Цзи Цинъюнем.

За обеденным столом царила оживлённая атмосфера. Тост за тостом.

Сяо Цзи-Сяо, который редко разговаривал, выпил две большие миски жареного гуся с картофелем и солёное гусиное яйцо, которое очистил для неё Сюй Манлинь.

Луна поднялась с верхушки низкого дерева на самый верх высокого дерева. Цзи Цинъюнь вместе с Вэй Линьвэем всё смеялись да разговаривали, яства на столе были съедены, посуда беспорядочно разбросана.

Сюй Манлинь посмотрела на Вэй Линьюя и Цзи Цинюня, которые все ещё говорили у обеденного стола, и направилась на кухню, чтобы приготовить несколько холодных блюд к напиткам.

Сяо Вэй Цинъюй последовала за ней, словно хотела что-то сделать, и тихо наблюдала за тем, как Сюй Манлинь готовила холодные блюда.

— Что такое? Что ты хочешь сделать? — Сюй Манлинь давно заметила дочь и спросила мягко, смешивая холодные блюда.

— Хочу сделать фруктовую тарелку для Цзи Сяо. — Мягко ответила Сяо Вэй.

— Поблагодарить её за то, что она защитила тебя сегодня? — Снова спросила Сюй Манлинь.

Сяо Вэй Цинъюй серьёзно кивнула, и два банта на её голове мотнулись.

Сюй Манлинь мягко улыбнулась, в первую очередь она отложила готовые холодные блюда, повернулась и подошла к колодцу рядом с ней.

К краю колодца была привязана веревка, и несколько не слишком больших арбузов были вытащены ею.

Сюй Манлинь разрезала арбуз на четверть и сказала:

— Можно я сделаю для сестрёнки арбуз-поросенка?

Сюй Манлинь посмотрела на Вэй Линьюя и Цзи Цинюня, которые все еще разговаривали у обеденного стола, и направилась на кухню, чтобы готовить закуски.

Сяо Вэй Цинъюй пошла за ней как будто хотела помочь и молча наблюдала, как Сюй Манлинь готовит закуски.

"Что такое? Что ты делаешь?" Сюй Манлинь уже давно заметила дочь, поэтому ласково спросила, одновременно перемешивая закуски.

"Хочу сделать фруктовую тарелку для сестрёнки Цзи Сяо", - тихо ответила Сяо Вэй.

"Поблагодарить ее за то, что она сегодня защитила тебя?" Сюй Манлинь задала вопрос снова.

Сяо Вэй Цинъюй серьёзно кивнула, и два бантика на ее голове заколыхались.

Сюй Манлинь слабо улыбнулась. Она в первую очередь отставила готовые закуски, повернулась и направилась к колодцу, который располагался рядом с буфетом. К краю колодца была привязана веревка и прикреплено несколько не очень крупных арбузов, которые женщина вытащила.

Сюй Манлинь разделила арбуз на четыре части и задала вопрос:

"Ничего, если я сделаю маленького поросенка из арбуза для младшенькой?"

Хорошо! Сяо Вэй счастливо кивнула и взяла шарик у Сюй Маньлинь.

Как только маленький шарик для копания попал в руки Вэй Цинъюй, белая фарфоровая миска рядом с ней наполнилась красивыми красными шариками из арбуза.

Сюй Маньлинь помогла Сяо Вэй Цинъюй справиться с труднодоступными углами арбуза. Она вырезала ножом глаза свиньи на корке арбуза, а из лишней корки арбуза сделала уши и носы и сказала: "Отнеси кусочек Сяосяо, ей очень понравится".

Сяо Вэй Цинъюй счастливо улыбнулась, подняв готовую чашу с арбузом и ловко перешагнув через кухонный порог, который для нее по-прежнему немного высоковат.

Однако Сяо Вэй Цинъюй снова вернулась к столу, но Сяо Цзисяо нигде не было видно. Звук, с которым Вэй Линьвэй пил и разговаривал с Цзи Цинъюнь, эхом разнесся по двору: оживленно и одиноко.

Xiao Wei Qingyu держала в руках арбуз и рассеянным взглядом искала Xiao Jixiao, пока не заметила Xiao Jixiao, сидящую в оцепенении на пороге ворот.

Плечи маленькой девочки слегка опустились на дверную раму, и она казалась очень маленькой под звездным небом в дверном проеме.

Она все еще казалась немного грустной, и ее напряженная спина упала в прошлое.

Сяо Вэй Цинюй подошла, вручила ей арбуз и детским голосом спросила: "Что с тобой?"

"Я в порядке". Xiao Jixiao взяла арбуз, врученный ей Xiao Wei Qingyu, и улыбнулась.

Улыбающееся лицо было исключительно нежелательным, это выглядело безобразнее, чем плач.

Сяо Вэй Цинюй безжалостно прорвалась через Сяо Цзисяо, кивнула ей носом и сказала: "Я говорю, что все в порядке, это уродливо".

Прохладные кончики пальцев девушки упали на кончик носа Сяо Цзисяо, моментально лишив ее притворства.

Сяо Вэй Цинюй держала в руках арбуз и в замешательстве искала глазами Сяо Цзисяо, пока не увидела, что та сидит в оцепенении на пороге ворот.

Плечи девочки слегка оперлись на дверной косяк, и она казалась совсем маленькой под звёздным небом, которое было видно из дверного проёма.

Казалось, она была всё ещё расстроена, и её напряжённая спина опустилась вниз.

Сяо Вэй Цинюй подошла к ней, протянула арбуз и спросила детским голосом:

— Что с тобой?

— Со мной всё в порядке, — Сяо Цзисяо взяла арбуз и выдавила из себя улыбку.

Её натянутая улыбка выглядела хуже слёз.

Сяо Вэй Цинюй бесцеремонно подошла к Сяо Цзисяо, дотронулась до её носа и сказала:

— Я же говорю, всё в порядке. Перестань притворяться.

Прохладные пальцы девочки заставили Сяо Цзисяо отбросить маску безразличия.

Малыш Сяо Сяо тяжело вздохнул, держа в руке арбуз и как обычно прижимаясь к плечу Сяо Вэй Цинъюй, он сказал: "Цинъюй, я немного расстроен".

"Что случилось?" - мягко спросила Сяо Вэй.

"Эй". Малыш Сяо Сяо отвязал маленькую персиковую корзинку, которую он носил, положил ее на ладонь и сказал: "Этот большой белый гусь укусил ее".

Сяо Вэй Цинъюй взяла в руку малыша Сяо Сяо маленькую персиковую корзинку и внимательно осмотрела ее.

При свете ворот на корзине маленькой персиковой корзинки действительно виднеется ряд мелких, плотных и неровных точек.

В одно мгновение в сознании Сяо Вэй Цинъюй возник образ большого белого гуся, гонящегося за ней, клюющего и кусающего.

Она все еще помнит, как молодой Сяо Сяо храбро защищал ее в тот момент, и она еще больше ценит тот страх, который она испытала, когда большой белый гусь чуть не укусил ее.

"Я ненавижу большого белого гуся". - расстроенно сказал малыш Сяо Сяо.

Открытая челюсть девочки оставила на плече Сяо Вей Цинъюй ощущение чего-то инородного и пробиралась к ней в сердце маленькими порциями.

Сяо Вей Цинъюй долго смотрела на маленькую корзину из персиков в своей руке, и в её бирюзовых глазах накатывались волны света.

Она не хотела, чтобы Сяо Цзисяо чувствовала страх в своем сердце, когда в будущем увидит эту маленькую корзину из персиков.

Немного помолчав, Сяо Вей легонько сказала "навредила" в особенно расслабленной манере.

Сяо Цзисяо немедленно бросила на нее взгляд, полный удивления.

Сяо Вей Цинъюй посмотрела на Сяо Цзисяо и уверенно сказала ей: "А ты что, не знаешь волшебный способ, который может вернуть твою маленькую корзину из персиков в первоначальное состояние!"

"Правда?"

Спину девочки, которая сначала была подавлена, тут же выпрямилась, а на ее простом белом лице появилось удивление, которое было вот-вот было потеряно.

«Но этому способу нельзя доверять второму человеку, а иначе ничего не выйдет», − осторожно наставляла Сяовэй Цинъюй Сяо Цзисяо, − «Ты должен закрыть глаза, когда я скажу».

«М-м-м», − торопливо кивнул Сяо Цзисяо, держа в руках арбуз и крепко зажмурив глаза.

Но вернуть сломанную вещь невозможно, это знают все на свете.

Тем более самому Сяо Вэй Цинъюй всего девять лет.

Она просто развязала красную нить на своём запястье и быстро привязала к руке Сяо Цзисяо.

Ночь глубокая, летний ветерок тёплый, а яркий лунный свет обнажает затаённое напряжение в глазах девушки.

Сяовэй Цинъюй взяла из его рук маленькую персиковую корзинку, тихонько хмыкнула и сказала: «Открывай глаза!»

Услышав её слова, Сяо Цзисяо со стуком открыл свои глаза, полные беспокойства, и скользнул взглядом по персиковой корзинке.

Всё действительно исчезло: сквозные отпечатки зубов большого белого гуся пропали, а при свете луны оставалось только тёплое свечение.

«Ничего себе, это так удивительно!» Сяо Цзисяо посмотрела на маленькую персиковую корзинку, которая в её руках обрела свою прежнюю форму, а в её золотисто-оранжевых глазах горел восторг.

Сяо Вэй что-то тихо прошептал, опасаясь, что Сяо Цзисяо может так проявить себя. Поэтому он нервно закрыл ей рот, делая вид, что хочет сохранить это в тайне: «Тсс! Не дай другим это заметить, в противном случае она снова изменится!».

Сяо Цзисяо тут же прикрыла рот и серьёзно кивнула.

Сяо Вэй Цинюй взглянула на Сяо Цзисяо, которая втайне прятала маленькую персиковую корзинку из манжеты в рукав. На лице Сяо Вэй Цинюй засияла довольная улыбка.

…

Вэй Цинюй не поверил своим глазам.

Если ту, что лежала в ногах кровати, была маленькой персиковой корзинкой, которую он потерял в прошлом, то кому принадлежала та, что сейчас была на его запястье?

Ответ прозвучал в сердце Вэй Цинюй.

Его мать сделала две маленькие корзинки из персика. Одна из них находилась у неё в руке, а вторая в руке Цзи Сяо.

Но неизвестно когда, на запястье Цзи Сяо не стало этого маленького персикового лукошка.

Она всегда полагала, что Цзи Сяо потерял эту вещицу.

Но как так вышло, что именно в тот день лукошко оказалось у него в руках?

На вопрос не было ответа, и людям временно пришлось с этим смириться.

Вэй Цинюй встала с постели и, неся в руке персиковое лукошко, вошла в комнату.

Она повернула ручку холодного серебристо-белого цвета, открыв дверь, и ощутила, что в помещении с запертыми окнами и дверью до сих пор царит знакомый ей хаотичный запах.

По причине резкого запаха мускуса Вэй Цинюй нахмурила брови и, проследовав прямиком к окну, распахнула его.

В дом подул свежий ветер, развеяв неприятный запах.

Вэй Цинюй будто уловила едва ощутимый запах персикового бренди.

Он был едва слышен, и от него исходил легкий персиковый аромат.

Постепенно этот аромат нашел отклик в кусочке пазла, которого так не хватало в ее сердце.

Её бирюзовые глаза чуть задрожали, она посмотрела на неубранную постель, бесформенную, к одной подушке притронулась как-то призрачно.

Внезапно в памяти всплыл образ сидящего у её кровати человека.

Вэй Цинъюй вдруг поняла, что когда она была без сознания, за ней действительно кто-то ухаживал. Не было такого, чтобы после получения звонка Цзи Цинъюня вынужденно ушёл пораньше.

Уникальным своим чувством защищённости тот человек забрал её с земли, почти сорвавшуюся, самым нежным голосом успокоил, ввёл ей ингибиторы.

Потом подхватил, уложил на кровать и теплыми пальцами провел по её талии, передавая ей своё спокойствие, самой ей растерянной и беспокойной.

Точно такой же мягкий, как у Цзи Сяо, шёпот утешал в тот раз Цяо Ни.

Как в тот раз, прыгающий через стену, Цзи Сяо без страха и паники принял её в свои руки.

Глаза бирюзовые дрогнули чуть-чуть,

На беспорядок кровати взглянув.

Подушки тронула рукой призрачной.

В памяти снова образ возник как-то внезапно,

Рядом с постелью кто-то сидит.

Поняла Вэй Цинъюй вдруг отчетливо,

Как без сознания была,

Кто-то ей помогал, заботился.

Недоразумение вышло.

Неправда, что из-за звонка срочного

Покинул Цзи Цинъюнь ее тотчас.

Чувство защищенности странное,

Тот человек ее поднял с земли,

Голосом нежным успокоил,

Ввел ингибиторы ей.

И уложил в постель, прижав к себе,

Теплыми пальцами по талии провел,

Защищенность и спокойствие Божественные

Не надо больше ничего ей сейчас.

Это был шепот Цзи Сяо мягкий,

Такой, как у Цяо Ни тогда прозвучал.

Словно прыгнувшего со стены принял,

Его поймал Цзи Сяо уверенно и храбро.

Он был надежным в тот раз.

Руки Вэй Цинъюй на подушке невольно сжались сильнее, её голубые глаза подняли бурные волны.

В её сердце она чувствовала, что смутная личность в её памяти — это Цзи Сяо, и всё продолжала это отрицать.

Разум без конца напоминал ей о том, какой ненавистной и жестокой была эта личность по воспоминаниям, и как он протянет руку помощи.

Но чувствительность шептала ей на ухо, сообщая, что люди могут измениться. За последний месяц или около того он не мучил её, и даже помог, когда у Лю Мэйны были недобрые намерения.

Из слегка приоткрытого окна дул прохладный ветерок, и винный аромат персиков, казалось, ничего не означал. Ветер развевал растрёпанные волосы Вэй Цинъюй.

Маленькая персиковая корзина вжалась ей в ладонь, и в её памяти забурлили воспоминания, которые девочка старательно пыталась забыть.

«Цинъюй, мы вернулись!»

Неожиданный голос снизу разорвал воспоминания Вэй Цинъюй.

Руки Вэй Цинъюй на подушке невольно слегка сжались, и в голубых глазах заклубились волны смущения.

В глубине души она чувствовала, что тот смутный образ в её воспоминаниях — это Цзи Сяо, но продолжала это отрицать.

Разум снова и снова ей напоминал, насколько эта личность была ненавистной и жестокой в её памяти, как он протягивал руку помощи.

Но чувства нашептывали ей, что люди могут меняться. За последний месяц или чуть больше он не мучил её, и даже помог, когда у Лю Мэйны были злые намерения.

Из слегка приоткрытого окна дул прохладный ветерок, и запах персикового бренди, казалось, ничто не предвещало. Ветер развевал растрёпанные волосы Вэй Цинъюй.

Маленькая корзина с персиками больно впилась ей в ладонь, и в её памяти всплыли воспоминания, о которых девочка изо всех сил пыталась забыть.

«Цинъюй, мы вернулись!»

Неожиданный голос снизу прервал воспоминания Вэй Цинъюй.

Вэй Цинъюй, узнав голос Лю Юэ, спешно отодвинула в сторону путаницу воспоминаний.

Тщательно спрятав в карман маленькую корзинку с персиками, она быстро спустилась по лестнице.

В гостиной на первом этаже стоял Лю Ху, такой же крепкий и мускулистый, и Лю Юэ, по-прежнему стройная и изящная.

Вэй Цинъюй взглянула на этих двух знакомых ей людей, и ей показалось, что это было только вчера.

Слёзы навернулись на глаза девушки, и, прежде чем спуститься по лестнице, она произнесла: «Дядя Лю Ху, тётя Лю Юэ, вы вернулись».

— Барышня! — Лю Ху подошёл к Вэй Цинъюй раньше Лю Юэ.

— Барышня, на самом деле мы вернулись в начале месяца. Но я знал, что это слишком опрометчиво. Прежде чем брат Чэнь будет готов, я не осмеливался действовать опрометчиво, поэтому мне пришлось тайно защищать вас, — виновато произнёс Лю Ху. — Мне очень жаль,

это Лю Ху ни на что не годен, не уберёг вас.

Вэй Цинъюй с тревогой смотрел на брутального мужчину, стоящего перед ним, и досадуя, поспешно покачал головой и сказал: "Дядя Лю Ху, не говорите так. Если бы не вы, я бы умерла в день похорон".

"Мисс..." Лю Ху подавился слезами, слушая ее.

Альфа, который метался перед барьером жизни и смерти, покраснел от вины перед маленькой девочкой.

"Хорошо, не вини себя. В любом случае, он босс с кучей телохранителей, так что будьте спокойнее". Чэнь Линьцзи похлопал Лю Ху по широкой спине и попросил сесть на диван и выпить.

Вэй Цинъюй посмотрел на Лю Ху, который выразил такое редкое выражение, и не знал, что сказать.

В этот момент стоявшая в стороне Лю Юэ подошла и как обычно обняла ее.

Вэй Цинъюй была на голову ниже Лю Юэ и снова вынуждена была упереться в пару, которая была такой же упругой и мягкой, как обычно.

Аромат фрезии также неторопливо исходил от ее тела, нежно ложась на кончик носа Вэй Цинъюй.

Сложно представить, чтобы феромон такой очаровательной женщины был бы таким утонченным.

Даже ога, невольно отвергающий подобные феромоны, ощущает его легким и освежающим.

— Ну и как же ты поживала последние полгода? — Люй Юэ внимательно осмотрела Вэй Цинъюй, обеспокоенно нахмурив брови. — Похудела, верно?

Вэй Цинъюй выслушала слова Люй Юэ и покачала головой:

— Не настолько все плохо.

— Как же не настолько?! — недовольно возразила Люй Юэ. — Этот ублюдок по фамилии Цзи издевается над тобой? Я краем уха от Лю Ху услышала, что ты сейчас с ней живешь! Да этот мерзавец, какого лешего он позволяет себе все больше наглеть?!

Когда Вэй Цинъюй услышала, как Люй Юэ упоминает Цзи Сяо, она невольно вспомнила то, что произошло только что.

Она неохотно улыбнулась и ответила:

— Нет, сейчас у нас все еще в порядке.

— Да ладно тебе, не бойся, говори тетушке правду, а тетушка придет и даст ей прикурить! — не поверила ей Люй Юэ.

Когда Лю Ху Лююэ пришла в дом Вэй, Вэй Цинъюй уже учился в средней школе. В то время Цзи Сяо был избалованным ребенком Цзи Цинъюнем и начал становиться беззаконным, а ее

отношения с Цзи Сяо также немного отдалились.

Поэтому Лю Юэ даже не знала, какими хорошими были Вэй Цинъюй и Цзи Сяо в прошлом. В ее воспоминаниях Цзи Сяо всегда была просто его сестрой.

Вэй Цинъюй знал, что Лю Юэ всегда был едким. Хотя он и не понимал, почему это было «через несколько дней», он не хотел, чтобы Цзи Сяо пострадал без причины, «На самом деле нет».

— Правда? — Лю Юэ был наполовину верующим, а Лю Ху, который успокоил свои эмоции позади него, издал «Эй», грубо высморкался и сказал: «Я сказал, ты заставляешь меня говорить всякую чушь? Не волнуйся, этот ребенок все еще альфа. Ты забыла, что я сказал тебе совсем недавно?»

Чувствительные нервы Вэй Цинъюя напряглись, когда он услышал «совсем недавно», и поспешно спросил: «Что случилось?»

"Этой ночью, в день Середины Осени, после того как она презентовала старый бамбуковый сюн, она же зашвырнула его к роще". Сказал Лиу Ху.

Ги Кинъю прямо вздрогнул.

Последний праздник Середины Осени, разве что это не тот, когда Цинюнь пытался, обманным путем обнять меня?

Разве что тот, когда я началась просыпаться в малой персиковый корзине, полученной от Цин Сяо?

Разве что тот, в который Цин Сяо вернулся "уставшим" и в испачканный в грязь?

"Должен сказать вам, брат Чень, эта малышка на самом деле очень жестокая, и видел, как она раздавала всем тумаки внизу. Бейсбольная бита, такая длинная и толстая, ей-богу, малышка дала ей помимо воли. А ее отцу! Святые боги! Такое представление точно стоило наблюдать" Скажем Лиу Ху и с благословляющим тоном, красочно передал рассказ Чень Линь Цзи, который все же не был в курсе, и чей лик выражал благоговение.

Юй Цинвэй была поражена до глубины души, и расплывчатое личико девочки в ее памяти постепенно становилось четче.

Она перебила рассказ Лю Ху и спросила: «Дядюшка Лю Ху, вы сказали, что здесь была Сяоцзе?»

«Да, она как раз вошла, когда я хотел пойти наверх, дверь еще была не закрыта. Я□□, ну что ж, убью двух зайцев одним выстрелом. Позднее я проучу отца и дочь, пусть больше не посмеют задирать тебя. В итоге, эта мелкая подкралась и избила меня!» – Лю Ху сказал это с сожалением, «Досадное недоразумение».

«Не в тот ли раз ты просил меня стереть кое-какие следы?» – спросил Жэнь Линьцзи, словно о чем-то раздумывая.

«Точно, точно, точно», – кивнул Лю Ху и засмеялся. «В моем деле технологии пока что не так развиваются. Доступ только у «шишек»».

Пружина мышлений Юй в этот момент сработала, и в пазле, до того ей непонятном, встала на

место недостающая деталь.

Юй Цин был поражен до глубины души, и размытое лицо девушки в его памяти стало постепенно проясняться.

Она перебила рассказ Лю и спросила: «Дядя Лю, вы хотите сказать, что здесь была Цзи Сяо?»

«Да, я собирался тогда подниматься, а ей открывали дверь. Тут-то я и подумал, что можно убить двух зайцев одним выстрелом. Я тогда припомню и этому папаше, и дочке их выходку и посмотрим еще, посмеют ли они в будущем тебя обижать. И в итоге, эта малышка прошмыгнула вперед и избила Цзи Цин Юня!» - с сожалением произнес Лю, - «Вот это досада».

«Не тогда ли ты просил меня убрать кое-какие следы?» - спросил Чень Линьцзи, как бы о чем-то размышляя.

«Точно, точно, точно», - кивнул Лю и засмеялся, - «У нас, техники, пока еще не могут совершить такое. Это могут только «большие шишки».

В этот момент щелкнула застежка памяти, и в узоре событий Юй встал на место недостающий фрагмент.

Размытый образ в ее голове медленно стал более четким, пиксели объединились, и в результате образовался образ Цзи Сяо.

Знакомые черты глаз и бровей предстали перед мысленным взором Вэй Цинюй, а на золотисто-оранжевых зрачках ее возлюбленного она увидела нежность, которую, как она думала, ей не дано было никогда испытать.

"Все хорошо, теперь ты в безопасности".

"Вэй Цинюй, ты в безопасности".

Знакомый голос, знакомая интонация.

Когда-то она думала, что Цзи Сяо будет дарить чувство защищенности всем, кроме нее самой, и теперь оно наконец-то у нее есть...

"Я говорил, что еще не поздно, может, не будем идти в ресторан?" Лиу Ху, проголодавшийся от долгих разговоров, предложил.

Лиюэ закивала и сказала: "Да, да, ты угощаешь".

Когда Лиу Ху хотел было запротестовать, Вэй Цинюй поспешно сказала: "Не надо".

Из ее голоса прозвучали нотки волнения, и все трое удивились.

Вэй Цинъюй тут же понял, что он чуточку ненормальный, а потому поспешно и тактично добавил: «Отец, я уходил под предлогом похода в библиотеку. Я сказал Цзи Сяо, что вернусь к полудню на обед. Если я совсем не вернусь, она заподозрит неладное».

«Все в порядке, в конце концов, мы уже все виделись, и увидеть тебя снова в будущем не составит труда», – сразу же сказал Лю Ху.

«Правда, в будущем будет еще не мало возможностей, верно, Старина Чэнь?» — тотчас же добавила Лю Юэ.

«Конечно», – кивнул Чэнь Линьцзи и произнес: «Я прикажу водителю отвезти тебя».

«Благодарю вас, отец», – чуть заметно кивнул Вэй Цинцзюй и сел в приехавший автомобиль.

Полуденное солнце с ещё не рассеявшейся осенней теплотой освещало переулок Яньлю. Вэй Цинцзюй сидел в машине и махал рукой на прощанье стоявшим у двери троим, но стоило ему повернуть за угол и скрыться из вида, улыбка на его лице тут же переменилась.

Вэй Цинъюй тут же понял, что с ним немного не так, и торопливо и тактично добавил: «Дядя, я ушёл под предлогом похода в библиотеку. Я сказал Цзи Сяо, что вернусь к полудню на обед. Если я не вернусь, боюсь, она заподозрит что-то неладное».

«Всё в порядке, мы и так все уже познакомились, встретиться снова будет совсем нетрудно», — сразу же сказал Лю Ху.

«Верно, в будущем будет ещё немало возможностей, да, Старина Чэнь?» — тут же добавила Лю Юэ.

«Конечно», — кивнул Чэнь Линьцзи и сказал: «Я прикажу шофёру отвезти тебя».

«Спасибо, дядя», — чуть заметно кивнул Вэй Цинъюй и сел в поданную машину.

Полуденное солнце с ещё не рассеявшейся осенней теплотой освещало переулок Яньлю. Вэй Цинъюй сидел в машине и помахал рукой тройке, стоящей в дверях, но лишь только он скрылся за углом, улыбка на его лице тут же изменилась.

Вэй Цинъюй тяжело смотрел на корзину с персиками, в его памяти вдруг вспыхнули воспоминания о жизни с ней на протяжении почти года.

Она была извращенной и тупой, жестокой, ее неоднократно пытали в маленькой черной комнате. Она испробовала все возможные подлые средства. Это была та самая, которая поклялась отомстить и отплатить за свое возвращение «око за око, зуб за зуб».

Но она все еще продолжает говорить от имени ога*, не колеблясь помогать своим обиженным одноклассникам, и бесчисленное количество раз протягивала руку помощи и ей самой в кризисных ситуациях.

Она даже ударила своей кочергой Джи Цинъюня, который больше всех ее любит, чтобы спасти себя.

Вэй Цинъюнь не мог понять ее или до конца разобраться в ней.

Она смотрела на проезжающую мимо сцену на улице, и подгоняла водителя впереди: «Дядя, поторопитесь».

Она всегда была спокойна, но теперь она не может сдерживаться, ей нужно увидеть Джи Сяо и расспросить обо всем.

Вэй Цинъюй взглянул на другую небольшую корзину с персиками с тяжелыми веками, и память о том, что он прожил с ней почти год, нахлынула на него.

Она была извращенной и тупой, жестокой, ее неоднократно пытали в маленькой черной комнате. Она исчерпала все презренные средства. Именно она поклялась отомстить за свое возвращение «зуб за зуб и глаз за глаз».

Но даже так, она все равно заступается за ога, не колеблясь помогает преследуемым одноклассникам и бесчисленное количество раз протягивала ей руку помощи в трудные времена.

Она даже дала своей кочергой Джи Цинъюню, который любит ее больше всего, чтобы спасти себя.

Вэй Цинъюй не мог понять или же до конца разглядеть ее.

Она посмотрела на проносящуюся мимо уличную сцену и подстегнула водителя впереди:

- Дядя, поторопитесь.

Она всегда была спокойна и невозмутима, но больше не могла сдерживаться, ей нужно было найти Цзи Сяо и спросить.

http://erolate.com/book/4215/125885